

Лейкин Николай Александрович

Меж трех огней

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Меж трех огней / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 430 с.

ISBN 978-5-519-92972-1

ISBN 978-5-519-92972-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МЕЖЪ ТРЕХЪ ОГНЕЙ.

I.

ВЪ лѣтнемъ театрѣ на сценѣ первая репетиція. Поставленъ ободранный павильонъ. Холодно. Вездѣ сквозить. Чахоточнаго вида суфлеръ въ пальто съ выѣденнымъ молю воротникомъ сидитъ на суфлерской будкѣ и подаетъ реплики двумъ репетирующимъ актрисамъ—одной молодой, закутанной въ перовое боа, другой пожилой въ накинутомъ на голову сѣромъ суконномъ платкѣ. Рядомъ съ суфлеромъ режиссеръ на стулѣ—пожилой человѣкъ въ бородѣ съ просѣдью. На головѣ его красная турецкая феска съ черной кистью, шея завязана бѣлымъ кашне. Онъ держитъ въ рукѣ тетрадь, прислушивается къ репетирующимъ актрисамъ и куритъ папиросу.

— Постойте...—останавливаетъ онъ движеніемъ тетради пожилую актрису.—Эту сцену я васъ прошу вести гораздо нѣжнѣе. Вы мать, передъ вами дочь. Вы очень хорошо знаете, на какой опасный подвигъ вы ее отправляете.

-- Я, Феофанъ Прокофѣичъ, понимаю, но, вѣдь

сегодня первая репетиція... Можно сказать, считка... — отвѣчаетъ актриса.

— Прекрасно, моя родная, но и со считки ужъ нужно давать тонъ. Иначе вы не войдете въ роль. Да и я, какъ режиссеръ, вижу васъ въ первый разъ. Никогда раньше съ вами не служилъ и долженъ ознакомиться съ вашими способностями для послѣдующихъ ролей. На этой-же недѣлѣ я долженъ раздавать роли для другой пьесы. Повторите... И, пожалуйста, эту сцену понѣжнѣе.

— Ахъ, вы какой, право... — жметъ пожилая актриса. — Разумѣется, на слѣдующей-же репетиціи я буду читать во всю...

— Невозможно, моя дорогая... Вы на всѣхъ репетиціяхъ должны вести во всю, иначе мы не ознакомимся. Тутъ въ пьесѣ ремарки нѣтъ. Но, по моему, вы должны даже обнимать дочь, говоря эти слова. Ну-съ, пожалуйста... Я слушаю.

Сцена повторяется.

За павильономъ толпятся актеры и актрисы въ самыхъ разнообразныхъ одеждахъ, ожидающіе своего выхода. Между ними помощникъ режиссера, молодой, бѣлокурый малый въ усахъ и съ книжкой выходовъ. У мужчинъ по большей части воротники пальто подняты, на головѣ мягкія фетровыя шляпы. Всѣ они жмутся отъ холода. Всѣ они собрались съ разныхъ концовъ Россіи и многіе незнакомы еще другъ съ другомъ. Куреніе папиросъ идетъ во всю. Одинъ изъ актеровъ — рослый, красивый, но нѣсколько съ одутловатымъ лицомъ брюнетъ, сидитъ на пнѣ и свертываетъ папиросу, тщательно облизывая бумагу. Онъ въ свѣтло-сѣромъ франтов-

скомъ пальто, въ красномъ галстукѣ, въ который воткнута булавка съ крупной жемчужиной и въ глянцеви́томъ цилиндрѣ. Золотое пенсне на цѣпочкѣ болтается поверхъ пальто. Къ нему приглядывается маленькій кругленькій блондинчикъ съ плохо выбритымъ лицомъ, въ потертомъ пальто и жокейской фуражкѣ. Наконецъ, онъ подходит къ нему и говоритъ:

— Лагорскій... Не узнаете? Когда-то въ Казани и Симбирскѣ... Помните?

— Богъ мой! Кого я вижу! Мишка Курицынъ сынъ!—воскликаетъ брюнетъ, поднимаясь съ пня.

— Зачѣмъ-же ругаться-то, Василій Севастьянычъ...

— Я, братъ, любя. Здравствуй... Какъ-же тебя не помнить! Я о тебѣ сказки дѣтямъ рассказываю.

Лагорскій снимаетъ цилиндръ и троекратно цѣлуется съ Мишкой Курицыномъ сыномъ.

— Я зналъ, Василій Севастьянычъ, когда ѣхалъ сюда, что вы здѣсь на героическія роли, — улыбаясь во всю ширину лица, говоритъ Мишка. — Въ газетахъ прочелъ... Ёхалъ и радовался, что увижусь съ вами... Вы, Василій Севастьянычъ, мнѣ жизнь спасли, и это я помню чудесно.

— Да, да, да. И это я помню... Ты-то какъ сюда попалъ?

— Черезъ московское бюро. На роли вторыхъ простаковъ, Василій Севастьянычъ.

— На полсотни въ мѣсяцъ?

— Подымайте выше, Василій Севастьянычъ. Семьдесятъ рублей.

— Ого! Ты, братъ, прогрессируешь, Мишка!—

шутливо отнесся къ нему Лагорскій и похлопалъ его по плечу.— Не пьешь больше?

— Малость балуюсь, но въ умѣренномъ тонѣ. Я, Василій Севастьянычъ, ужъ теперь не подъ фамиліей Перовскаго играю, а подъ своей собственной... Тальниковъ я...

— Что-же, скандалъ какой-нибудь гдѣ-нибудь вышелъ, что ты перемѣнилъ фамилію?

— Нѣтъ, такъ-съ. Что-же свою Богомъ данную фамилію обижать? Лучше - же ее увѣковѣчить. Подумалъ, подумалъ: „зачѣмъ я по сценѣ Перовскій? Буду Тальниковъ“. Ну, и сталъ Тальниковъ.

— Отъ долговъ лучше скрываться, когда подъ чужой фамиліей играешь.

— Какіе у меня долги, Василій Севастьянычъ! И надѣлалъ-бы, можетъ статья, да никто не вѣрить. А какъ здоровье вашей супруги Вѣры Константиновны, Василій Севастьянычъ? — спросилъ Тальниковъ.

— Жена? Она здѣсь... Она въ театрѣ, который съ нами рядомъ, будетъ играть. Она въ „Кароагенъ“... Въ театръ сада „Кароагенъ“ приглашена... Тамъ легкія пьесы... Только я говорю не о Вѣрѣ Константиновнѣ, а о женѣ, о Надеждѣ Дмитриевнѣ Копровской. На триста рублей она пріѣхала.

— Позвольте, — остановилъ Лагорскаго Тальниковъ. — Но вѣдь въ Казани у васъ была супруга Вѣра Константиновна Малкова. Помните, когда вы въ „Европѣ“ стояли и я ходилъ къ вамъ по утрамъ ординарцемъ?

— Малкова мнѣ не жена. Она такъ...

— Боже мой... А вѣдь я ее за вашу супругу

считалъ! Душа въ душу жили. Вѣдь у васъ отъ нея была дочка Наташа?

— Даже двѣ: Наташа и Катя... Но Малкова мнѣ, Мишка, не жена, хотя она прекрасная женщина, прямо святая женщина.

— Гдѣ-же она теперь, Василій Севастьянычъ? Я про Малкову...

— Вообрази, здѣсь, въ трупѣ. Сегодня ея пѣтъ, но завтра она будетъ. А я теперь сошелся съ женой. Не знаю, какъ и быть,—пожалъ плечами Лагорскій.—И можешь ты думать, она, эта самая Малкова, живетъ черезъ пять-шесть дачъ отъ меня, на той-же улицѣ. Жена покуда ничего еще не знаетъ, но Малкова ужъ ревнуетъ. Она женщина — огонь.

Лагорскій улыбнулся.

— Затруднительное ваше теперь положеніе, Василій Севастьянычъ,—произнесъ Тальниковъ.

— Водевиль,—отвѣчалъ Лагорскій.—Но вздоръ, вывернусь. Какъ въ водевилѣ и вывернусь. Вѣдь это у меня всегда и во всѣ времена было. Только, разумѣется, не такъ близко. Вѣдь и при Малковой... Помнишь, тамъ у меня была вдова купчиха? И отъ ней есть.

— Шельганова? Помню. Вы меня брали къ ней. Я тамъ въ ея именины таперствовалъ.

— А я помню, что ты тамъ бобровую шапку стянулъ.

— Ужъ и стянулъ! Просто обмѣнялся по ошибкѣ.

— Вмѣсто драповой-то бобровую взялъ?

— Выпивши я былъ, Василій Севастьянычъ. Вѣдь такое происшествіе съ каждымъ можетъ случиться.

— Съ каждымъ! Однако, бобровой-то шапки все-таки ты не возвратилъ.

— Бѣдность, Василій Севастьянычъ... Получалъ всего тридцать рублей. Вы съ Шельгановой любовью выманивали, а мнѣ такъ Богъ послалъ.

— Выманивали! Что-жъ ты меня за альфонса считаешь, что-ли!—возвысилъ голосъ Лагорскій.

— Зачѣмъ за альфонса? Просто вы большой сердцеѣдъ... хе-хе-хе... — поправился Тальниковъ.

— Ну, то-то,—самодовольно проговорилъ Лагорскій и выпрямился во весь ростъ.— Послушай... Ты помнишь Настю, горничную Милковой-Карской? Бутончикъ такой былъ въ Симбирскѣ за кулисами. Настя...

— Какъ-же не помнить-то! Вся труппа за ней гонялась.

— Ну, а я ее тогда сманилъ, увезъ въ Нижній и жилъ съ ней. Прелестный былъ цвѣточекъ.

— Знаю-съ. На моихъ глазахъ все это было. Въ Нижнемъ-то только я не былъ.

— Ну, вотъ изъ этой Насти я сдѣлалъ маленькую водевильную актрису... Окрестилъ ее для сцены Настиной. Хорошенькая... Личикомъ брала... Она и въ водевилѣ, и въ опереткѣ на маленькія рольки... Привязана была ко мнѣ, какъ кошка. Болѣе года мы съ ней жили, имѣлъ я отъ нея сына, который теперь въ деревнѣ у ея матери на воспитаніи. Мы не расходились... А просто ангажемента намъ не случилось вмѣстѣ въ одномъ городѣ, и пришлось разъѣхаться. Настя поѣхала въ Тифлисъ, а я въ Вологду... Если-бы ты видѣлъ, какія сцены прощанія были!—разсказывалъ Лагорскій, по тотчасъ-же мах-

нуль рукой и прибавилъ: — Впрочемъ, ты этого ничего не понимаешь!

— Отчего-же не понимать? У меня, Василій Свастьянычъ, сердце также чувствительное,—обидчиво произнесъ Тальниковъ. — Физиономіей я не вышелъ, а сердцемъ...

— Ну, что объ этомъ говорить! — перебилъ его Лагорскій. — Такъ вотъ я тебѣ хочу сказать, что и эта Настина здѣсь и играетъ рядомъ въ саду „Кареагенъ“. И можешь ты думать, какое совпаденіе: тоже живетъ на дачѣ въ полуверстѣ отъ меня. Жена, Малкова, Настина. Стало быть, я межъ трехъ охней. И не тужу.

— Вамъ выходить, господинъ Лагорскій...—шепнулъ ему помощникъ режиссера.

Лагорскій вышелъ на сцену.

II.

ЛАГОРСКІЙ кончилъ свою сцену и опять появился за кулисами.

— Какая здѣсь все дрянь въ труппу набрана,—сказалъ онъ Тальникову. — Ступить по сценѣ не умѣютъ.

— Есть, есть товарищъ...—поддакнулъ ему Тальниковъ.—А на какое жалованье пріѣхали!

— Да вѣдь я и тебя считаю за дрянь.

— Я, Василій Свастьянычъ, человѣкъ скромный. Я на маленькія роли.

Тальниковъ весь какъ-то сжался и сталъ потирать руки.

Межъ трехъ охней.

— Ну, развѣ на маленькія-то. Ты кого здѣсь въ пьесѣ играешь?—спросилъ Лагорскій.

— Крестьянина Пьера...

— Ну, эта роль по тебѣ. Ты дураковъ можешь.

— Угостите, Василій Севастьянычъ, папироской.

— А ты опять, какъ и всегда, безъ папиросъ. Вѣдь уже теперь-то, кажется, можешь на свои покупать. Самъ-же говоришь, что семьдесятъ рублей получаешь.

— Въ дорогѣ издержался, Василій Севастьянычъ. Сорокъ рублей было мнѣ выслано авансомъ на дорогу, я и издержался. Да у меня есть табакъ, только дома. Вѣдь я съ Кавказа ѣхалъ.

— Бери, свертывай себѣ папиросу. Вѣдь я самокрутки курю.

Лагорскій подалъ хорошій серебряный портсигаръ. Тальниковъ сталъ свертывать папиросу и сказалъ:

— Сейчасъ видно, Василій Севастьянычъ, что вы въ достаткѣ: и при серебряномъ портсигарѣ, и при часахъ золотыхъ, и при булавкѣ съ жемчугомъ.

— У меня, кромѣ этого, есть что закладывать. Въ Симбирскѣ мнѣ поднесли ящикъ серебра, въ Самарѣ двѣ серебряныя вазы для шампанскаго.

— Любимецъ, блаженствуете...

— Не жалуясь. А труппа здѣсь дрянъ, за исключеніемъ Малковой,—опять началъ Лагорскій.—Набрана числомъ поболѣе, цѣною подешевле...

— Нѣтъ-съ... Жалованья хорошія... Не скажите.

— Вѣдь это для тебя хорошія-то, а для актера съ именемъ — ахъ, оставьте. Здѣсь Петербургъ... Здѣсь не въ Царевококшайскѣ, здѣсь жизнь въ

три-дорога. Жена хозяйство завела, такъ по семнадцати копѣекъ фунтъ за говядину платить.

— Вѣрно-съ... Правильно вы...—поддакнулъ снова Тальниковъ.—Я за сорокъ копѣекъ обѣдаю у одной вдовы, такъ очень голодно. Вы мнѣ позволите, Василій Севастьянычъ, къ вамъ по утрамъ ординарцемъ приходить? Какъ въ Казани приходилъ. Приходить и быть при васъ на манеръ адъютанта?

— Приходи, приходи... Я тебя познакомлю съ моею настоящей женою Надеждою Дмитріевною... Дача Петрова, рядомъ съ булочной...

— Разыщу, Василій Севастьянычъ. Васъ, навѣрное, всѣ знаютъ.

— Только ты женѣ насчетъ Малковой ни гу-гу...—предупредилъ Лагорскій Тальникова.

— Зачѣмъ-же я буду говорить! Я тайны и не такія хранилъ.

— И про Настю Настину ни слова...

— Гробъ. Могила... — проговорилъ Тальниковъ, ударивъ себя въ грудь.—Съ какой стати я буду вносить въ семью смуту!

— Ну, пойдемъ въ буфетъ. Я тебя за это водкой угощу. Надо червячка заморить. Мой выходъ еще не скоро. Теперь на сценѣ солдатъ національной гвардіи будетъ разглагольствовать съ угольщикомъ и Фаншетой.

Они отправились во временной буфетъ, который былъ при театрѣ, въ бутафорской. Тамъ было нѣсколько актеровъ, которые пили водку и пиво и ѣли горячіе шпрочки. Одинъ изъ актеровъ, пестро одѣтый, чернепкій, какъ жукъ, съ синеватымъ

подбородкомъ и густыми бровями подскочилъ къ Лагорскому и проговорилъ:

— Позвольте вамъ напомнить о себѣ, господинъ Лагорскій... Мы служили вмѣстѣ въ Самарѣ. Чеченцевъ, здѣшній любовникъ... Не помните?

— Помню, помню... Вы тогда только еще начинали...изъ любителей...—сказалъ Лагорскій и сухо пожалъ ему руку.

Разговоръ не клеился. Чеченцевъ отошелъ. Лагорскій сморщилъ лицо и произнесъ:

— Прохвость. Обобралъ въ Самарѣ одну глупую старуху. Любовникъ... Я его въ Самарѣ по сценѣ ходить училъ, а здѣсь онъ любовникомъ. Тьфу! Вотъ она здѣшняя труппа. Вотъ изъ какихъ звеньевъ. Пей, Мишка, да пойдемъ.

Лагорскій и Тальниковъ выпили и стали ѣсть пирожки.

— Замѣтили, Василій Севастьянычъ?.. Любовникъ-то въ брилліантовомъ кольцѣ. Только, я думаю, брилліанты-то не настоящіе...

— Чортъ его знаетъ!—брезгливо сказалъ Лагорскій.—Черкесовъ... или какъ онъ?.. Осетинцевъ... Кабардинцевъ...—умышленно перевиралъ онъ фамилію актера.—Любовникъ... Я его училъ по сценѣ ходить. А то все, бывало, задомъ становится.

Прожевывая пирожки, они опять отправились на сцену.

Здѣсь Лагорскій носъ съ носомъ столкнулся съ Малковой. Это была высокая стройная красивая блондинка въ шляпкѣ съ перьями, въ пальто мѣшикомъ съ необычайно большими пуговицами въ